

путешественником селениях царят «бедность и рабство», что автор имеет в виду рассказать еще и об образцовой («Благополучной») деревне. Это, по мнению исследователя, является аргументом в пользу авторства Новикова.⁴ Н. В. Баранская,⁵ однако, верно замечает, что автор за три дня пути «всюду» видел «бедность и рабство», но описал только одну деревню. Отсюда делается вывод: путешественник выступал не только против «Григория Терентьевича», но и против крепостного права вообще. А это мог сделать только Радищев. Уязвимы оба толкования. Безосновательно отрицается возможность изображения Радищевым в 1772 г. вместе с деревней «Разоренной» и «злым» помещиком еще и «Благополучной» деревни с ее «добрым» владельцем. Да и изображение «доброго» помещика само по себе еще не является оправданием крепостничества. Разве, упоминая в «Путешествии» (даже в «Путешествии»!) иной раз «добрых» господ, Радищев проводил идею урегулирования взаимоотношений между крепостными и их господами по принципу отношения «отцов и детей»? С другой стороны, о Новикове нередко говорится, что он приближался к осознанию социальной природы порочных явлений, что уже само по себе делает допустимой возможность изображения им только «разоренных» деревень — если помнить при этом, что в «Отрывке» идет речь не вообще о российских деревнях, а лишь о тех селениях и помещиках «тех мест», где автор побывал «в три дни пути»?

Антикрепостническая направленность «Отрывка» в существующих работах понимается, таким образом, в весьма неопределенном смысле. Специфические оттенки повествования, выявляющие идейный контекст этой направленности, остаются невыясненными. Разноречивые оценки идейного содержания произведения обязывают внимательнее проанализировать идейную логику рассказа, определить, так сказать, идеологический контекст, в который оказываются включенными размышления путешественника о крестьянах и помещиках. При этом должна быть принята во внимание выявленная определенность эстетической структуры и стиля произведения. Такой путь анализа — от эстетического к идеологическому (а не наоборот) — в данном случае представляется методологически наиболее целесообразным, поскольку речь идет о произведении, в котором идейное содержание поддается и тому и другому толкованию. Именно эстетическая структура произведения в ее бесспорной определенности и есть, очевидно, то труднее всего поддающееся субъективно-полюемическому искажению начало, от которого можно было бы идти к более верному положению идейного смысла, трактуемого до сих пор раз-

⁴ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, с. 242.

⁵ Баранская Н. В. Еще об авторе «Отрывка путешествия в*** И*** Т***». — В кн.: XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, с. 230.